

В. В. ВЕРЕСАЕВ

РОДСТВЕННИКИ ПУШКИНА

С. Л. Пушкин

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

36 (761)

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ

МОСКВА — 1933

В. В. ВЕРЕСАЕВ

РОДСТВЕННИКИ ПУШКИНА

Гм, гм! Читатель благородный,
Здорова ль ваша вся родня?
Позвольте, может быть, угодно
Теперь узнать вам от меня,
Что значит именно родные.
Родные люди вот какие:
Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О Рождестве их навещать
Или по почте поздравлять,
Чтоб остальное время года
Не думали о нас они...
И так, дай бог им долги дни!

«Евгений Онегин», IV, 22.

Отв. редактор Е. ЗОЗУЛЯ. Тех. редактор Л. Свешникова

Издатель Журнально-газетное объединение

Уполномочен. Главл. В—73376. Тираж 50 000. Зак. тип. 2473

Статфор. А₅—105×148 мм. 3/4 бум. листа. Число зн. бум. л. 92 160.

Изд. № 425. Книжка сдан. в наб. 11/XI. Подп. к печ. 11/XII 1933 г.

Отпечатано в типографии «За индустриализацию», Москва,
Цветной бул. д. 30.

СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ ПУШКИН (1770—1843)

Отец поэта. Сын богатого помещика. Получил светское, французское воспитание. При Павле I служил в лейб-гвардии егерском полку. Но к службе, при тогдашних требованиях, по крайней своей небрежности и рассеянности оказался мало годен. Он любил, например, сидеть с приятелями у камелька и мешать в нем огонь; однажды он для этого употребил свою офицерскую трость и с нею же явился потом на службу. Командир, заметив обгорелую трость, сказал:

— Уж вам бы, господин поручик, лучше явиться на учение с кочергою.

Сергей Львович очень был огорчен таким замечанием и жаловался на тяжесть военной службы. Перчатки он постоянно терял или забывал дома. Как-то даже на придворный бал он явился без перчаток. К нему подошел император Павел и спросил по-французски:

— Отчего вы не танцуете?

Оробевший Пушкин в смущении ответил:

— Я потерял перчатки, ваше величество.

Царь снял свои перчатки и сказал с улыбкою:

— Вот вам мои. — Потом с одобрительным видом взял молодого офицера под руку, подвел к даме и прибавил: — А вот вам и дама.

В ноябре 1796 г. Сергей Львович женился на Надежде Осиповне Ганнибал, своей внучатой племяннице. Через два года вышел в отставку в чине майора и переселился на покой в Москву. Впрочем и в Москве числился служащим где-то по комиссариатской части. С 1814 г. в течение трех лет служил в Варшаве, тоже по комиссариатской части; в январе 1817 г. окончательно вышел в отставку с чином статского советника. Преемник его, принимая от Сергея Львовича должность, застал его в присутственном месте за французским романом вместо счетов и бумаг. Сергей Львович поселился с семейством в Петербурге, больше никогда уже не служил и вел совершенно праздную жизнь, ни о чем решительно не заботясь. Он был изысканно-любезен на старинный французский манер, был мастер на каламбуры и острые ответы. Например, некто Копьев славился в Петербурге художеством своей малокормленной четверни. Однажды ехал он в карете по Невскому, нагнал шедшего пешком Сергея Львовича и крикнул ему из кареты:

— Садитесь, подвезу!

Сергей Львович ответил:

— Благодарю, но не могу: я спешу.

Особенно торжествовал он в салонных играх, требующих беглости ума и остроты, был необходимейшим человеком при устройстве праздников, собра-

ний и домашних театров. Был прекрасный актер и декламатор, мастерски читал, особенно Мольера. Очень легко писал стихи — и по-французски, и по-русски. Интересовался литературой, был лично знаком с Карамзиным, Дмитриевым, Батюшковым, Жуковским, кн. Вяземским.

Жизнь представлялась Сергею Львовичу лугом удовольствий, человек — точнее, дворянин — мотыльком, которому предназначено порхать по одному лугу и пить с цветочков сладкий сок. Для этого, естественно, нужны средства. Сергей Львович их имел. В Нижегородской губернии у него было около семи тысяч десятин земли и более тысячи крепостных крестьянских «душ». Да за женою он получил в Псковской губернии более тысячи десятин. Но средства сами собою в руки не плывут. Все-таки нужно надзирать за управляющими, следить за отчетностью, наезжать хоть изредка в поместья, ревизовать — вообще прилагать некоторый труд. Вот это было совершенно не по нутру Сергею Львовичу. Никакими делами он заниматься не любил. Своих наследственных нижегородских поместий он за всю свою жизнь не посетил ни разу и управление поручил крепостному своему человеку Михайле Калашникову, мошеннику первостатейному. Когда впоследствии для спасения имения послан был туда дельный управляющий, немец, то он просто бежал из имения при виде страшного разорения крестьян. В псковском поместье Михайловском было не лучше; приказчики надували и обкрадывали барина, высылали ему в год две-три сотни рублей ассигнациями,

да два-три воза замороженной домашней птицы и масла; грабили и притесняли крестьян. Когда же мужики приехали в Петербург к Сергею Львовичу с жалобой на управляющего, Сергей Львович пришел в негодование за причиненное беспокойство, затопал ногами, раскричался на мужиков и прогнал, не выслушав.

При такого рода хозяйствовании, разумеется, представлялось очень мало возможности беззаботно гулять по жизненному лугу удовольствий. Погуляйка, когда имения заложены и перезаложены, казна требует процентов, в доме нет ни гроша, лавочники перестают верить в долг. Обычный стиль жизни Сергея Львовича хорошо отражен в письмах его дочери О. С. Павлицевой к мужу. «Вообрази, — пишет она, — что в прошлом году имение Болдино описывали пять раз... Можешь себе представить, в каком состоянии находится отец со своими черными мыслями, да к тому же денег нет. Он хуже женщины: вместо того, чтобы притти в движение, действовать, он довольствуется тем, что плачет. Не знаю, право, что делать, — я отдала все, что могла, но это все равно, что ничего, из-за общих порядков дома, из-за мошенничества людей, перед которыми наш Петрушка буквально ангел. Мой отец только и делает, что плачет, вздыхает и жалуется встречному и поперечному. Когда у него просят денег на дрова и сахар, он ударяет себя по лбу и восклицает: «Что вы ко мне приступаете? Я несчастный человек!» Он испустил это восклицание передо мною, и, сознаюсь,

меня это немного развлекло, когда я подумала о его 1200 мужиках в Нижнем... Боже упаси обращаться к кому-нибудь из прислуги в доме: это воплощенные дьяволы, мошенники, воры, нахалы и потом они ничего не сделают даром. Лакеем к экипажу мне пользоваться невозможно, отец сердится, когда он всю челядь не видит налицо: «Да где тот? Да где этот? Да кто его послал?» и т. д... Право, иногда он мне очень жалок. Старик всегда нуждается в деньгах, а их любит; его обкрадывают и обещают со всех сторон; его челядь саранча сушая. Вообрази: пятнадцать человек!»

Сергей Львович был небольшого роста, с проворными движениями, с носиком вроде клюва попугая. Имел склонность к чувствительности, был очень слезлив. Главную, характернейшую его особенность составляла глубокая душевная фальшивость, постоянное стремление играть какую-нибудь роль. Никогда он не проявлялся так, как что-нибудь переживал в душе, а держался так, как, по его мнению, в данном случае должно было проявляться. Был он глубочайший эгоист, до детей ему мало было дела, но письма его к ним были исполнены самой образцовой отеческой нежности. Когда умирала его жена, он громогласно рыдал в ее комнате; это пугало и мучило умирающую; дочь попробовала указать на это отцу; Сергей Львович пришел в негодование, закричал на дочь и стал обвинять ее в бесчувствии. Можно думать, что напыщенная фальшивость отца сыграла, по контрасту, свою роль в выработке у

Пушкина большой простоты и естественности в выражении чувства.

Сергей Львович денег удерживать не умел, но в то же время был очень скуп. Пушкин в письме с юга к брату с горечью вспоминал о своем петербургском пребывании под родительским кровом: «когда больной, в осеннюю пору или в трескучие морозы я брал извозчика от Аничкина моста, он вечно бранился за восемьдесят копеек, которых, верно бы, ни ты, ни я не пожалели для слуги». Однажды, уже взрослым, обедая у отца, сын его Лев разбил нечаянно рюмку. Отец вспылил и целый обед ворчал. Лев сказал:

— Можно ли так долго сетовать о рюмке, которая стоит двадцать копеек?

— Извините, сударь, — с чувством возразил отец: — не двадцать, а тридцать пять копеек!

Скупость Сергея Львовича была хорошо известна и всем его знакомым. Когда Вяземский узнал о помолвке Пушкина на Гончаровой, он писал ему: «Гряди, жених, в мои объятия! Более всего убедил меня в истине женитьбы твоей вторая экстренная бутылка шампанского, которую отец твой разлил нам при получении твоего письма. Я тут ясно увидел, что дело не на шулку. Я мог не верить письмам твоим, слезам его, но не мог не поверить его шампанскому».

К детям своим Сергей Львович был глубоко равнодушен. При малейшей жалобе гувернантки или гувернера он сердился, выходил из себя, но гнев его проистекал только из врожденного отвращения ко всему, что нарушало его спокойствие. Когда Пуш-

кин был в лицее, Сергей Львович в январе 1815 г. присутствовал на публичном экзамене учеников, — на этом экзамене Пушкин прочел свои «Воспоминания в Царском Селе» и вызвал восторг присутствовавшего на экзамене Державина. Как бывало и впоследствии, этот успех сына заставил Сергея Львовича отнестись к нему с большим вниманием. По окончании лицея Пушкин жил в Петербурге у родителей, на Фонтанке, и вызывал неутраченное негодование отца своим озорством, кутежами и вольномыслием. Пушкина выслали из Петербурга. На юге он проладал от безденежья. Отец писал ему нежные письма, но денег не посылал. «Изъясни отцу моему, — писал Пушкин брату из Одессы, — что я без его денег жить не могу. Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре; ремеслу же столярному я не обучен... На кого, кажется, надеяться, если не на ближних и родных?.. Крайность может довести до крайности. Мне больно видеть равнодушие отца моего к моему состоянию, — хоть письма его очень любезны». В августе 1824 г. Пушкина выслали из Одессы в псковскую деревню его родителей. Там в это время жила вся семья Пушкиных. Отец ужасно испугался, твердил, что теперь и его самого, Сергея Львовича, может из-за сына ожидать ссылка, и не уставал пилить его. Пушкин совсем исчез из дому: либо рыскал верхом по окрестностям, либо проводил время у обитательниц соседнего села Тригорского. Домой возвращался только ночевать. Начальство напрасно искало среди окрестных дворян человека, который взял бы на себя обязанность следить за дей-

ствиями, разговорами и перепискою осыльного поэта. Тогда предложено было взять на себя эту обязанность самому Сергею Львовичу. Он с покорною готовностью согласился. Пушкин рассказывает в письмах: «вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволили мне с ним объясниться; я решился молчать. Отец начал упрекать брата в том, что я преподаю ему безбожие. Я все молчал. Получают бумагу, до меня касающуюся. Наконец, желая вывести себя из тягостного положения, прихожу к отцу, прошу его позволения объясниться откровенно... Отец осердился, заплакал, закричал. Я поклонился, сел верхом и уехал. Отец призывает брата и повелевает ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé... Голова моя закипела. Иду к отцу, нахожу его с матерью и высказываю все, что имел на сердце целых три месяца. Кончаю тем, что говорю ему в последний раз. Отец мой, воспользуясь отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому объявляет, что я его «бил, хотел бить, замахнулся, мог прибить». А после говорил: «экой дурак, в чем оправдывается! Да он бы еще осмелился меня бить! Да я бы связать его велел!» Зачем же обвинять было сына в злодействе несбыточном? «Да как он осмелился, говоря с отцом, непристойно размахивать руками!» Это дело десятое. «Да он убил отца словами!» — каламбур, и только». Взбешенный Пушкин написал официальное прошение псковскому губернатору с просьбою перевести его «в одну из крепостей его императорского величества». Друзьям удалось остановить отправку прошения. Сергей Львович от-

казался от взятой на себя обязанности шпионить за сыном, со всею семьею уехал в Петербург, и Пушкин остался в Михайловском один.

Отношения между отцом и сыном остались враждебными. Сын не стеснялся в отзывах об отце, отцу эти отзывы передавались. В октябре 1826 г. Сергей Львович в негодовании писал брату своему Василию Львовичу: «Нет, добрый друг, не думай, что Александр Сергеевич почувствует когда-нибудь свою неправоту передо мною. Если он мог в минуту своего благополучия, и когда он не мог не знать, что я делал шаги к тому, чтобы получить для него милость, отречься от меня и клеветать на меня, то как возможно предполагать, что он когда-нибудь снова вернется ко мне? Не забудь, что в течение двух лет он питает свою ненависть, которую ни мое молчание, ни то, что я предпринимал для смягчения его участи изгнания, не могли уменьшить. Он совершенно убежден в том, что просить прощения должен я у него, но прибавляет, что если бы я решил это сделать, то он скорее выпрыгнул бы в окно, чем дал бы мне это прощение... Я еще ни минуты не переставал воссылать мольбы о его счастье и, как повелевает евангелие, я люблю в нем моего врага и прощаю его, если не как отец, — так как он от меня отрекается, — то как христианин, но я не хочу, чтобы он знал об этом: он припишет это моей слабости или лицемерию, ибо те принципы забвения обид, которыми мы обязаны религии, ему совершенно чужды». Ссора между отцом и сыном длилась вплоть до 1828 г., когда они примирились благодаря усилиям Дельвига и осо-

бенно тому обстоятельству, что Пушкин был уже освобожден от правительственного надзора и ласково принят незадолго перед тем молодым царем. «Во второй раз (первый случай относится к 1815 г.), — пишет Анненков, — Сергей Львович искал сойтись с сыном, озадаченный его успехами и приобретенным положением между людьми». После этого отношения их стали внешне корректными, но попрежнему отец и сын оставались холодны и далеки друг другу. До того доходило, что, например, оба они обыкновенно в одно время гуляли по Невскому, но никто никогда не видел их гуляющими вместе. Перед женитьбой Пушкина отец выделил ему из своих нижегородских поместий половину деревни Кистеневики, с 200 незаложенных душ.

Трагическая смерть поэта в самое сердце поразила «несчастливого отца». Он был, как говорится, «безутешен». Негодовал на Жуковского, что известное свое письмо к нему об обстоятельствах смерти Пушкина тот как будто написал не столько для утешения отца, сколько для распространения в публике. Когда однажды у знакомых он увидел бюст Пушкина, то подошел к нему, обнял и зарыдал. Невозможно было определить, где у этого изактерившегося человека кончалось настоящее чувство и начиналось разыгрывание роли.

Было ему уже под семьдесят лет. Жена его умерла еще раньше поэта, остался он совсем одиноким. Сын Лев служил офицером на Кавказе, дочь Ольга жила с мужем, в Варшаве. Сергей Львович проживал то у родственников в Москве, то в гостинице Демут

в Петербурге, то в Михайловском. Он страдал уже сильно одышкой, был толст, глух, беззуб, при разговоре брызгал слюнями во все стороны, на широкой плечи прилизывал фиксатуром скудные остатки волос. Однако главным делом и главной радостью его жизни была любовь к молодым девицам. Он влюблялся направо и налево, влюблялся даже в десятилетних девочек, писал возлюбленным длинные стихотворные послания, пламенел надеждами, лил слезы отчаяния. В Михайловском он влюбился в молоденькую девушку-соседку Марью Ивановну Осипову, засыпал ее стихами в таком роде:

Люблю... Никто того не знает,
И тайну мидую храню в душе моей.
Я знаю то один... хоть сердце изнывает,
Хоть и день, и ночь тоскую я по ней.
Но мило мне мое страданье,
И я клялся любить ее без упованья,
Но не без счастья для сердца моего.
Я на нее гляжу... Довольно и того!

Страсть к стихописанию у Сергея Львовича была чрезвычайна: все записки его к предметам его страсти писались не иначе, как стихами; посылал ли он цветы, книгу, собаку, лампу — посылку неминуемо сопровождали стихи. Сергей Львович сделал Марье Ивановне предложение выйти за него замуж. Но она горячо любила его сына Льва, приехавшего домой погостить, и отказала отцу. Сергей Львович никак не мог этого понять: отец и сын, — как можно выдать сына? Какой-то Левка, и он — сам Сергей Львович! Любовь к Марье Ивановне, впрочем, не мешала ему видеть во сне белую шею и плечи старшей ее сестры, тридцатилетней матери многих детей, баро-

неосы Е. Н. Вревской. В Петербурге Сергей Львович ухаживал за Анной Петровной Керн, которую когда-то воспел Пушкин («Я помню чудное мгновение»), писал ей страстные любовные письма. Потом влюбился в ее дочь Екатерину Ермолаевну, безумствовал от любви, ел кожицу клюквы, которую она выплевывала. Нельзя было без смеха смотреть, как он, изысканно одетый, расточал перед нею фразы старинных маркизов, не слушал ответов, рассказывал анекдоты, путая и время и лица. День ото дня глухота его усиливалась, одышка дошла до такой степени, что в другой комнате слышно было его тяжелое дыхание. Но еще за несколько дней до смерти он умолял Екатерину Ермолаевну выйти за него замуж.

НАДЕЖДА ОСИПОВНА ПУШКИНА (1775—1836)

Мать поэта. Рожденная Ганнибал. С малолетства была окружена угодливостью, потворством и лестью окружающих, выросла балованной и капризной. Была хороша собою, в свете ее прозвали «прекрасною креолкою». По своему знанию французской литературы и светскости она совершенно кошлась со своим мужем, очаровывала общество красотой, остроумием и веселостью. Была до крайности рассеяна, очень вспыльчива, от гнева и кропотливой взыскательности резко переходила к полному равнодушию и апатии относительно всего окружающего. Так же, как муж, питала глубочайшее отвращение ко всякому труду,

домашним хозяйством ленилась заниматься в той же мере, как муж — управлением именьями. Барон М. А. Корф, живший одно время в соседней с Пушкиными квартире, вспоминает: «Дом их представлял всегда какой-то хаос: в одной комнате богатые старинные мебели, в другой пустые стены, даже без стульев; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня, ветхие рыдваны с тощими клячами, пышные дамские наряды и вечный недостаток во всем, начиная от денег и до последнего стакана. Когда у них обедывало человека два-три, то всегда присылали к нам за приборами». Все в хозяйстве шло кое-как, не было взыскательного внимания хозяйки, провизия была несвежая, готовка дурная. Дельви́г, собираясь на обед к Пушкиным, писал Александру Сергеевичу:

Друг Пушкин, хочешь ли отведать
Дурного масла, яиц гнилых,
Так приходи со мной обедать
Сегодня у своих родных.

Надежда Осиповна была властна и взбалмошна.

Муж находился у ней под башмаком. С детьми она обращалась деспотически. Страстно обожала меньшого сына Льва, к дочери же Ольге и особенно к Александру относилась холодно, подвергала унижительным наказаниям. Раз, например, за какую-то провинность ударила Ольгу по щеке и приказала просить прощения; та отказалась; тогда мать одела ее в затрапезное платье, посадила на хлеб, на воду и запретила другим детям подходить к ней. У Александра в детстве была привычка тереть ладони одну о другую; чтобы отучить его от этого, мать на це-

лый день завязала ему руки назад и проморила голодом. Мальчик часто терял носовые платки; мать пришила ему носовой платок к курточке в виде аксельбанта и в таком виде заставляла выходить даже к гостям. Рассердившись, дулась на него и не разговаривала неделями и месяцами. Материнской ласки Пушкин никогда от нее не видел. Когда двенадцатилетним мальчиком его повезли в Петербург для определения в лицей, он покинул родительский кров без всякого сожаления.

И всю жизнь на равнодушие родителей Пушкин отвечал таким же равнодушием. Живя с ними в одном городе, посещал их очень редко, только по долгу родственной вежливости; отсутствуя, почти никогда не писал. Надежда Осиповна относилась к нему с неизменною холодностью, каждый успех Пушкина делал ее к нему все равнодушнее и вызывал только сожаление, что успех этот не достался ее любимцу Левушке. «Но последний год ее жизни, — вспоминает баронесса Е. Н. Вревская, — когда она была больна несколько месяцев, Пушкин ухаживал за нею с такою нежностью и уделял ей от малого своего состояния с такой охотой, что она узнала свою несправедливость и просила у него прощения, сознаваясь, что не умела его ценить. Он сам привез ее тело в Святогорский монастырь, где она похоронена. После похорон он был чрезвычайно расстроен и жаловался на судьбу, что она дала ему такое короткое время пользоваться нежностью материнскою, которой до того он не знал».

ВАСИЛИЙ ЛЬВОВИЧ ПУШКИН

(1767 — 1830)

Дядя поэта и сам поэт. Как и брат его Сергей, Василий Львович был богат, владел большим количеством крепостных душ, как брат, совершенно не заботился об управлении имениями и беззаботно прожизал доходы, идя к полному разорению. Получил внешне блестящее образование, прекрасно говорил по-французски, знал латинский, немецкий, английский и итальянский языки. В молодости служил в Петербурге в лейб-гвардии Измайловском полку, но очень недолго, в 1797 г. вышел в отставку и поселился в Москве. Там женился на красавице К. М. Вышеславцевой, однако вскоре разъехался, а потом и развелся с нею и сошелся с «вольной отпущенною девкою», должно быть, тою самую Анною Николаевною Ворожейкиной, с которою Василий Львович прожил всю остальную жизнь и от которой имел «незаконных» детей. Василий Львович блистал в салонах, был душою общества, был неистощим в каламбурах, островах и тонких шутках. 1803—1804 годы провел он за границей, главным образом в Париже, и вывез оттуда богатейшую библиотеку. «Когда он воротился из путешествия,—рассказывает Вяземский.—Парижем от него так и веяло. Одет он был с парижской иголки с головы до ног; прическа à la Titus, углаженная, умасленная древним маслом, huile antique. В простодушном самохвальстве давал он дамам обнюхивать голову свою». В непрекращающихся балах, раутов, обедов, литера-

турных собраний, в участии в любительских спектаклях и шарадах проходила вся жизнь Василия Львовича. Подконец материальное состояние его значительно порасстроилось, порасстроилось и здоровье, он еле двигался от подагры, его мучившей, страдал сильною одышкой. Раз утром он поднялся с постели, добрался до шкапов огромной своей библиотеки, где книги стояли в три ряда, заслоняя друг друга, отыскал там Беранже и с этой ношей перешел на диван залы. Тут принялся он перелистывать любимого своего поэта, вздохнул тяжело и умер над французским песенником.

Печататься В. Л. Пушкин начал с 1793 г. Писал в стиле Дмитриева и Карамзина послания, элегии, басни, сказки, сатиры. Стих его гладок, однако большинство писаний — безнадежная середина, холодный набор рифм и размеренных строчек. Но однажды, в 1811 г. удалось ему написать юмористическую поэму «Опасный сосед». Начинается так:

Ох! Дайте отдохнуть и с силами собраться!
Что прибыли, друзья, пред вами заператься?
Я все перескажу. Буянов, мой сосед,
Именно свое проживший в восемь лет
С цыганками, с блядьми, в трактирах с плясунами,
Пришел ко мне вчера с небритыми усами,
Растрепанный, в луку, в картузе с козырьком.
Пришел, — и понесло повсюду кабаком.

Следует сочный, яркий рассказ о посещении приятелями веселого дома и о скандале, там разыгравшемся. Печать поэма эта могла увидеть только в наше время, но разошлась она в тысячах списков и доставила автору большую славу. В заслугу В. Л. Пушкину нужно также поставить его деятельное участие

в борьбе молодой литературы с литературными староверами, группировавшимися вокруг Шишкова; послания В. Пушкина к Жуковскому и Блудову сыграли в свое время значительную роль в этой борьбе.

Роста Василий Львович был небольшого, на жидких ногах — рыхлое туловище с выпячивающимся брюшком, нос кривой, волосы уже к тридцати годам сильно поредели, зубы тоже были плохие, при разговоре слюна летела на собеседника, так что друзья, слушая его, держались от него в некотором отдалении. Все это не мешало Василию Львовичу следовать за модой самозабвенно и даже жертвенно. Когда в 1801 г. приехал в Петербург дипломатическим агентом Бонапарта молодой красавец Дюрок, будущий великий маршал двора Наполеона, Василий Львович специально поехал в Петербург, чтобы поглядеть, как одевается Дюрок, пробыл столько времени, сколько нужно было, чтобы с ног до головы перерядиться, и всех изумил в Москве толстым и длинным жабо, коротким фракком и головою в мелких курчавых завитках, как баранья шерсть, что называлось тогда а ля Дюрок. Позже зять его Сонцов говорил, что у Василия Львовича есть в мире три привязанности: сестра его Анна Львовна, кн. Вяземский и однобортный фрак, который Василий Львович выкроил из старого сюртука по новомодному покрою фрака, привезенному в Москву щеголем Павлом Ржевским. Когда Василий Львович сочинял стихи, на него было умирительно глядеть. Вяземский, говоря о жизни в Италии, писал А. Тургеневу: «Просто блаженствуешь... Так живут на небесах; так живет Василий

Львович, когда пишет стихи. Все в нем онемает: только течет радостная слюна». Очень он любил и читать свои стихи и пользовался для этого каждым удобным случаем; то прочтет восторженно, то несколькими тонами понизит свое чтение, то ухватится за первый попавшийся предлог и прочтет стихи свои как будто случайно. На вид был он почтенен, сановит и важен; но под наружностью этою скрывались совершенно исключительные наивность и легковерие. Был в восемнадцатом веке один такой французский писатель, Пуансине, отличавшийся легендарным легковерием. Однажды его уверили, что король хочет приблизить его ко двору и назначить «придворным экраном». Пуансине несколько дней сряду стоял перед пылающим камином и жарил себе икры, чтобы приучить себя к новой должности. Приятели, говоря о Василии Львовиче, постоянно вспоминают об этом Пуансине. Легковерие Василия Львовича служило предметом постоянной потехи для его друзей. Особенно отличались в издевательствах над ним дальний его родственник Алексей Михайлович Пушкин, известный остролов, и И. И. Дмитриев. Потехи эти вызвали однажды у Василия Львовича горький стих:

Их дружество почти на ненависть похоже!

Однажды обедали приятели у Василия Львовича. Московской почтдиреktor А. Я. Булгаков сообщил только что полученную из Петербурга весть, что молодой Александр Пушкин был приглашен Милорадовичем и получил жестокою головоююку за какие-

то стихи, а Пушкин будто бы ответил ему так: «Я эти стихи знаю, вашему сиятельству не солгали; они точно написаны Пушкиным, только не мною, а Василием Львовичем Пушкиным, дядею моим». Василий Львович, как молнией оглушенный, растерянно стал поглядывать на всех и наконец сказал:

— Прежде всего, я очень сомневаюсь, чтобы мой племянник мог сказать такую вещь, а... а если он это сказал, то граф Милорадович, надеюсь, ему не поверил. Ведь меня все знают, я не либерален; меня знает и И. И. Дмитриев, и Карамзин, я не пишу таких стихов.

— А Буянов («Опасный сосед»)?—воскликнул Булгаков.

— Ну, что Буянов... Это только дурная шутка.

— Дурная—да!—возразил Ал. Мих. Пушкин,—но—не шутка!..

Василий Львович так перетрусил, что после этого боялся даже говорить о племяннике и на расспросы о нем отвечал:

— Я об нем ничего не знаю, и мы даже не переписываемся.

Отношение Александра Пушкина к дяде было двойное. В показном плане он осыпал его любезностями, в 1817 г. писал ему: «В письме вашем вы называли меня братом; но я не осмелился назвать вас этим именем, слишком для меня лестным.

Я не совсем еще рассудок потерял.

От рифм бакхических, шатаюсь на Пегасе:

Я знаю сам себя, хоть рад, хотя не рад...

Нет, нет, вы мне совсем не брат:

Вы дядя мой и на Парнасе.

В стихотворении «Городок» (1814) Пушкин обращался к дяде: «И ты, замысловатый Буянова певец, в картинах столь богатый и вкуса образец». «Опасного соседа» впрочем Пушкин всегда ценил и высказывал предположение, что потомство припишет эту поэмку ему. Буянова, как детище дяди, называл своим двоюродным братом и вывел его в «Евгении Онегине» на балу у Лариных в качестве одного из гостей:

Мой брат двоюродный Буянов
В пуху, в картузе с козырьком,
Как вам, конечно, он знаком.

В общем, однако, Пушкин ценил дядю разве только в самой ранней юности. Впоследствии он неизменно отзывался о нем с насмешкою и пренебрежением—и как о поэте и как о человеке. В письмах его встречаем выражение: «посредственный, как Василий Львович». Из Кишинева Пушкин писал Вяземскому: «Дядя прислал мне свои стихотворения,—я было хотел написать об них кое-что, да невозможно: он так глуп, что язык не повернется похвалить его». Когда умер Ал. М. Пушкин, вместе с Дмитриевым всего злее издевавшийся над Василием Львовичем, Пушкин запрашивал Вяземского: «Какую песню из Беранже перевел дядя Василий Львович? Уж не «Le bon Dieu» ли? Объяви ему за тайну, что его в том подозревают в Петербурге и что готовится уже следственная комиссия. Не худо уведомить его, что уже давно был бы он сослан, если бы не чрезвычайная известность его «Опасного соседа». Опасаются шума. Как жаль, что умер Алексей

Михайлович и что не видал я дядиной тразли! Но Дмитриев жив, все еще не потеряно». И в 1830 г., будучи женихом, он сообщал Вяземскому: «Дядя Василий Львович плакал, узнав о моей помолвке. Он собирается на свадьбу подарить нам стихи. Наднях он чуть не умер и чуть не ожил. Бог знает, чем и зачем он живет!»

СОНЦОВЫ (СОЛНЦЕВЫ)

Елизавета Львовна Сонцова (1776—1848), рожденная Пушкина, тетка поэта. Замужем за Матвеем Михайловичем Сонцовым (1779—1847). Он был богатый помещик Зарайского уезда Рязанской губернии, служил неперменным членом в мастерской Московской оружейной палаты под начальством кн. Н. Б. Юсупова. В 1825 г. был представлен Юсуповым к производству в камергеры. Однако в Петербурге нашли, что по его чину достаточно и звания камер-юнкера. «Но Сонцов,—рассказывает Вяземский,—кроме того, что уже был в степенных летах, пользовался еще вдоль и поперек таким объемистым туловищем, что юношеское звание камер-юнкерства никак не подходило ни к лицу его, ни к росту. Был он не только сановит, но и слоновит. Князь Юсупов сделал новое представление на основании физических уважений, которое и было утверждено: Сонцов наконец пожалован в камергеры». Известный московский остряк Неелов сложил по этому случаю эпиграмму:

Чрез дядю, брата или друга
Иной по службе даст скачок;

Другого вызывает сестра или супруга,
Но он стал камергер через собственный пушок.

Сонцов постоянно пыхтел от тучности, как кипящий чайник под крышкой, вечно всем был недоволен, говорил напыщенно и до того был чванлив, что даже в деревне у себя надевал по праздникам камергерский мундир. Жена его Елизавета Львовна, как и братья ее, была насквозь фальшива, любила разыгрывать высокие чувства. Однажды в зарайской деревне заболела у нее дочь. Приглашен был известный в Зарайске д-р Георгиевский, чудак-бессеребряник и прекрасный врач. Он приехал. Елизавета Львовна в живописной позе лежала в гостиной на диване и нюхала из флакона соли. Ломаясь, она пространно стала рассказывать доктору о страданиях материнского своего сердца, о беспокойстве своем за страждущую дочь. А детям ее в действительности житье в родительском доме было очень плохое. Георгиевский сурово прервал ее:

— Сударыня, ведите меня к больной.

Дочь он вылечил, но мать иначе о нем не говорила, как «c'est un monstre!» («это чудовище!»). После смерти племянника-поэта она, при упоминании о нем, закатывала глаза к потолку и произносила: «mon neveu pauvre victime!» («мой племянник, несчастная жертва!»).

АННА ЛЬВОВНА ПУШКИНА

(1769—1824)

Тетка поэта, старая дева. Девство ее не переставало тещить Пушкина. Вяземскому он писал по поводу

«Бахчисарайского фонтана»: «Хладного скопца уничтожаю в поэме из уважения к давней девственности Анны Львовны».

В вариантах к «Графу Нулину» Пушкиным упоминается многотомный сентиментальный роман «Любовь Элизы и Армана, или Несчастье двух семей»:

Роман классический старинный.
Отменно длинный, длинный, длинный,
Отрада девушки невинной,
Покойной тетушки моей.

Умерла она в Москве 14 октября 1824 г. Брат ее Василий Львович напечатал в альманахе «Полярная звезда» стихотворение, посвященное памяти покойной:

Где ты, мой друг, моя родная,
В какой теперь живешь стране?
Блаженство райское вкушая,
Несешься ли мыслию ко мне?
Ты слышишь ли мои рыданья?
Ты знаешь ли, что в жизни сей
Мне без тебя нет ясных дней,
И нет на счастье упования?
Кто будет заниматься мной?
И чья душа с моей душой
Нежнейшей дружбой соединится?
Где ты, о ангел добротой?
Дай мне туда переселиться!
Там плача и вздыханий нет,
Там тихий невечерний свет
Для добродетельных сияет!
Вглянись с небесной высоты!

и т. д.

Племянник-поэт в это время жил в Михайловском в ссылке. Он к смерти тетушки отнесся вполне равнодушно.

В завещании своем Анна Львовна оставила по 15 тыс. руб. своим племянницам Ольге Пушкиной и

двум девицам Сонцовым. Пушкин по этому поводу писал сестре: «Если то, что ты сообщаешь о завещании Анны Львовны правда, то это очень мило с ее стороны. Право, я всегда любил мою бедную тетку». Однако, эта любовь не помешала Пушкину весело следующего года, когда к нему в деревню приехал Дельвиг, сочинить совместно с ним самую озорную «Элегию на смерть Анны Львовны»:

Ох, тетенька! Ох, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты к маменьке любовна,
Была ты к папеньке добра,
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матвей Михайлович, как кровный,
Тебя встречал среди двора.
Давно ли с Ольгою Сергеевной,
Со Львом Сергеечем давно ль,
Как бы на смех судьбине гневной,
Ты разделяла хлеб да соль?
Увы! Зачем Василий Львович
Твой гроб стихами обмочил,
Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил?

Пушкин послал эту элегию Вяземскому. Вяземский отвечал: «Если она попадется на глаза Василию Львовичу, то заготовь другую песню, потому что он верно не перенесет удара». Василий Львович узнал об элегии племянника осенью и, конечно, был глубоко возмущен. Он восклицал в негодовании: «А она его сестре 15 000 оставила!» Когда один из почитателей Пушкина, встретясь с Василием Львовичем, поздравил его с знаменитым племянником, Василий Львович отвернулся и сказал:

— Есть с чем! Он негодяй!

ЛЕВ СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

(1805—1852)

Младший брат поэта. Яркий представитель туземного, бездельного барства и того мотыльково-легкого отношения к жизни, которое отличало всех близких родственников Пушкина. Когда Пушкина отвезли из Москвы в лицей, Льву было около шести лет. Он был любимцем матери и рос баловнем. В 1817 г. Пушкины переехали в Петербург; Льва отдали в Университетский благородный пансион. Товарищами его по пансиону были М. И. Глинка (будущий композитор), С. А. Соболевский, С. Д. Полторацкий и др. А. С. Пушкин в этом же году кончил лицей и поселился в Петербурге у родителей, братья часто виделись. В феврале 1821 г., уже после высылки Пушкина, Лев был исключен из пансиона за то, что организовал протест своего третьего класса против увольнения из пансиона учителя русской словесности В. К. Кюхельбекера (лицейского товарища Пушкина). По сообщению Соболевского, Лев с товарищами побил одного из надзирателей. После исключения из пансиона, Лев без дела проживал у родителей, в Петербурге и в деревне. Пушкин в это время жил в ссылке на юге. Он очень интересовался Львом и нежно вспоминал о нем. К 1822 г. относится черновой набросок:

Брат милый, отроком расстался ты со мной,
В разлуке протекли медлительные годы
и т. д.

Пушкин с юга часто писал брату, делился с ним мыслями, настроениями, очень интересовался его

развитием. В марте 1821 г. он писал Дальвигу из Кишинева: «Брат — человек умный во всем смысле слова, и в нем прекрасная душа... Люби его; я знаю, что будут стараться изгладить меня из его сердца; в этом найдут выгоду. Но я чувствую, что мы будем друзьями — и братьями не только по африканской нашей крови». Лев действительно был юноша одаренный, очень неглупый, остроумный, с прекрасным литературным вкусом, который Пушкин ставил не ниже вкуса Дельвига; он и сам писал стихи, посылал их на суд брата, но к стихам его Пушкин остался равнодушен и писал брату: «если ты в родню, так ты литератор, — сделай милость, не поэт». Между прочим Лев обладал феноменальной памятью; стоило ему раз-два прочесть стихи, и он запоминал их от слова до слова. Все стихи брата он знал наизусть и прекрасно читал их. Это дало ему в Петербурге своего рода популярность; его нарасхват приглашали повсюду, чтобы услышать ненапечатанные еще вещи Пушкина. В настоящее время подобные чтения могли бы только способствовать популярности произведения, но не так было во времена Пушкина: круг читателей был очень ограничен, привычки к книге еще не существовало, а очень распространено было обыкновение понравившиеся вещи списывать. При таких условиях «чтениебесие» Левушки приносило Пушкину существенный материальный ущерб. Вяземский писал Пушкину, что еще не напечатанный «Бахчисарайский фонтан» его повсюду публично читается его братом и по Петербургу ходят тысячи списков поэмы. Пушкин за это намылил голову брату.

Осенью 1824 г. Пушкин приехал в качестве ссыльного в Михайловское. Там в это время жили его родители и все семейство, Лев в том числе. «Потешный юнец, который восхищается моими стихами» — писал про него Пушкин княгине Вяземской. Оба брата часто бывали в соседнем Тригорском, наперерыв ухаживали за тригорскими барышнями, причем Лев, повидимому, пользовался даже большим успехом, чем брат, — Пушкин несколько раз шутливо говорит о своей ревности по отношению ко Льву. А родители непрерывно пилили Пушкина за его неблагонадежность, высказывали боязнь, что и им всем придется пострадать из-за него, обвиняли, что он проповедует атеизм брату и сестре. Разразилась бешеная ссора Пушкина с отцом, все уехали в Петербург, и Пушкин остался в деревне один. Лев вскоре поступил на службу в Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Первое время переписка между братьями была очень оживленная. Пушкин опять делился со Львом своими размышлениями и переживаниями, давал ему всевозможные поручения по присылке ему из Петербурга книг, вина, закусок и между прочим поручил ему издание своих стихов. Но уже летом 1825 г. он писал Дельвигу: «скажи Плетневу, чтобы он Льву давал из моих денег на орехи, а не на комиссии мои, потому что это напрасно: такого бесовесного комиссионера нет и не будет». Комиссионером, действительно, Левушка оказался никуда негодным. Стихов Пушкина для печатания он все не удосуживался переписать, но, не уставая, читал их всюду на ужинах, вписывал в альбомы дам и упи-

валяся славой, отраженно падавшей на него от брата. Ходила об нем эпиграмма:

А Левушка наш рад,
Что брату своему он брат.

Пушкин писал Льву: «Пишу тебе из необходимости. Ты знал, что деньги мне будут нужны. Я на тебя полагался, как на брата, — между тем год прошел, а у меня ни полушки. Если б я имел дело с одними книгопродавцами, то имел бы тысяч пятнадцать. Ты взял от Плетнева для выкупа моей рукописи 2000 р., заплатил 500, доплатил ли остальные 500? И осталось ли что-нибудь от остальной тысячи? Я отослал тебе мои рукописи в марте, — они еще не собраны, не цензурованы, — ты читаешь их своим приятелям до тех пор, что они низусть передают их московской публике. Благодарю.. Заплачены ли Вяземскому 600 рублей?» Эти 600 рублей, взятые Пушкиным у Вяземской еще перед высылкой его из Одессы, имели свою сложную историю, и долг этот очень мучил Пушкина. Он поручил Льву послать деньги Вяземскому. Левушка эти деньги промотал. Промотал и деньги, полученные от Плетнева на выкуп пушкинских рукописей. Однако в общем был он ужасно милый молодой человек, к великому брату своему, по уверению друзей, относился с «восторженным поклонением»; в литературных кругах принимали его самым радушным образом; он бывал на вечерах Карамзина, Жуковского, подружился с Дельвигом, Плетневым и Боратынским; с Боратынским одно время даже жил на общей квартире, к нему Боратынский написал послание, а Пушкину послал горячее письмо, где,

извиняясь, что мешается не в свое дело, убеждал его не сердиться на Левушку и быть снисходительным к его ветренности. Но отношения между братьями испортились непоправимо, Пушкин вполне раскусил молодого человека. Он в течение всей своей жизни продолжал заботиться о брате, устраивал его на службу, платил его долги, но переписывался с ним только по деловым вопросам, редко и сухо, а отзывался с насмешкой или пренебрежением.

В конце 1826 г. Левушка ушел с гражданской службы и определился юнкером на Кавказ в Нижегородский драгунский полк, которым командовал старый друг Пушкина, Н. Н. Раевский-младший. Пушкин виделся с братом в Москве и в марте 1827 г. писал Дельвигу: «Лев был здесь — малый проворный, да жаль, что пьет. Он задолжал у вашего Андриэ (ресторан) 400 руб. и ублудил жену гарнизонного майора. Он воображает, что истощил всю чашу жизни. Едет в Грузию, чтоб обновить увядающую душу. Уморительно». Через шесть месяцев Лев Пушкин был произведен в прапорщички. Он принимал участие в персидской войне и вскоре за нею последовавшей турецкой, выделялся храбростью и приобрел репутацию лихого боевого офицера. В поездку свою в Эрзерум в 1829 г. Пушкин не раз виделся с ним. По окончании войны Лев получил продолжительный отпуск, конец 1829 г. и весь 1830 пробыл в Москве, присутствовал на свадьбе брата и распорядился свадебным ужином. Когда началась польская война, Лев просился в действующую армию; хлопотами Пушкина это удалось достигнуть, но с некоторыми за-

трудностями; справки, наведенные о Лье в Москве, говорили не в его пользу. «Им были недовольны за его пьянство и буянство», — писал Пушкин Плетневу. На войне польской Левушка опять отличался, получал награды за храбрость. В конце 1832 г. в чине капитана вышел в отставку.

Определиться к какому-нибудь делу Левушка не спешил. Через год Пушкин запрашивал жену: «что делает брат? Я не советую ему идти в статскую службу, к которой он так же неспособен, как и к военной, но у него, по крайней мере, ...здоровая, и на седле он все-таки далее уедет, чем на стуле в канцелярии... Покамест советую ему бить баклуши; занятие приятное и здоровое». И Лев, действительно, всей душой предался этому приятному и здоровому занятию. Поступил было на гражданскую службу — чиновником особых поручений при министерстве внутренних дел, но не понравилось, и через три месяца ушел. Он был попрежнему мил и очарователен, но отличался больше всего по гастрономической линии, и эту сторону его отмечал в своих эпиграммах его друг Соболевский:

Наш приятель Пушкин Лев
Не лишен рассудка,
Но с шампанским жирный плов
И с груздями утка
Нам докажут лучше слов,
Что он более вдов
Силою желудка.

Современник пишет: «Лев Сергеевич похож лицом на своего брата: тот же африканский тип, те же толстые губы, умные глаза; но он блондин, хотя волосы его так же вьются, как черные кудри Алексан-

дра Сергеевича. Лев Пушкин ниже ростом своего брата, широкоплеч, вечно весел, над всем смеется, находчив и остер в своих ответах; пьет одно вино, хорошее или дурное — все равно, пьет много, и вино никогда на него не действует. Он не знает вкуса чая, кофе, супа, потому что в них есть вода. Рассказывают, что ему однажды сделалось дурно в какой-то гостинной, и дамы, тут бывшие, засуетились около него и стали кричать «воды, воды!» И будто бы Пушкин, услышав это ненавистное слово, пришел в чувство и вскочил, как ни в чем не бывало». Левушка любил жить широко и ни в чем себе не отказывать. Приехал он в Петербург и в самой лучшей гостинице Энгельгардта взял самый лучший номер по двести рублей в неделю; угощал роскошными завтраками богатых своих приятелей, — и это все, не имея в кармане ни гроша. Пушкину пришлось заплатить за брата в ресторан 260 руб., и Энгельгардту 1330 руб., а брата водворить к родителям. В доминго Левушка проигрывал в ресторанах по четырнадцать бутылок шампанского, и платить за это опять-таки пришлось брату. Приходилось устраивать и карточные дела «храброго капитана», как в семье называли Левушку. Пушкин выкупил за две тысячи рублей вексель в десять тысяч, проигранных Львом Болтину, уплатил две тысячи, проигранных Плещееву. Новый сюрприз: Левушка проиграл — тридцать тысяч! Соболевский посмеивался: «Придется Александру же Сергеевичу его кормить; кормить-то не беда, а поить накладно». Платежи ложились на Пушкина, потому что он имел неосторожность взять на себя управле-

ние до-нельзя разоренным общим их именем. На этом основании с него непрерывно тянули денежки и Лев, и сестра с мужем. Пушкин вышел из терпения и отказался от управления, и писал брату — официально, по-французски: «Я постараюсь выделить вам причитающуюся вам часть земли и крестьян. Может быть, вы тогда начнете заниматься вашими делами и потеряете хоть в некоторой степени ту беспечность и легкость, с какою позволяете себе жить изо дня в день».

Левушка в это время жил уже в Тифлисе, куда уехал опять определяться на военную службу, и, в ожидании назначения, угощал приятелей обедами. Приезжавшие из Тифлиса знакомые сообщали, что живет он как человек, получающий тысяч десять дохода. Конечно, привезенных им с собою денег нехватило. В октябре 1835 г. больная мать его получила от Льва письмо, где любимый сын ее писал, что он находится в величайшей нужде, что к самым унижительным шагам ему пришлось прибегнуть даже для того, чтобы иметь возможность отправить ей по почте это письмо. У матери сделалось разлитие желчи, сильно ухудшившее ее состояние. Может быть, подобные же письма Левушка писал и брату, но Пушкин уже перестал их читать и, не распечатывая, бросал в огонь. Наконец, 13 июля 1836 г. Левушка получил назначение в Гребенской казачий полк. Новое огорчение! Пушкин Лев привык служить под начальством генерала Раевского, который установил с ним чисто товарищеские отношения. Новые же командиры требовали субординации, а это было совсем не по вкусу Ле-

вушке. И он жаловался в письме к отцу, что новый его начальник, генерал Розен, обращается с ним, как с собакой. Огорченный отец переслал это письмо Пушкину, а Пушкин ему ответил: «То, что Лев написал о генерале Розене, оказалось ни на чем не основанным. Лев обидчив и избалован фамильярностью прежних своих командиров. Генерал Розен никогда не обращался с ним, как с собакою,—как уверяет Лев,—но как с штабс-капитаном, а это совсем другое дело».

О смерти Пушкина Лев узнал, воротившись из экспедиции против чеченцев. «Эта ужасная новость меня сразила, — писал он отцу, — я, как сумасшедший, не знаю, что делаю и что говорю... В гибельный день его смерти я слышал вокруг себя свист тысяч пуль, — почему не мне выпало на долю быть сраженным одною из них, — мне, человеку одинокому, бесполезному, уставшему от жизни и вот уже десять лет бросающему ее всякому, кто захочет...» В 1839 г. Лев опять попал под начальство Раевского, назначенного устройтелем черноморской береговой линии. Пospрежнему Левушка отличался храбростью в боях и поспрежнему был мил и очарователен. Н. И. Лорер рассказывает: «Память Пушкин имеет необыкновенную и читает стихи вообще, своего брата в особенности, превосходно, хотя не доставляет этого наслаждения своим жадным слушателям до тех пор, пока не поставят перед ним лимбургского сыра и несколько бутылок вина. Весь лагерь был в восторге от Пушкина, и можно было быть уверену, что где Пушкин, там кружок и весело. Всю экспедицию он сделал

с одною кежаною подушкой, старою поношенною шинелью, парой платья на плечах и шашкой, которую никогда не снимал. Пушкин обыкновенно заглядывает по палаткам, и где едят или пьют, он там везде садится, ест и пьет. В карты Пушкин играл и всегда проигрывал; табаку не нюхал и не курил. Вечно без денег, а если заведутся кое-какие, то ненадолго: или прокутит, или раздаст. Одним словом, Пушкин имел много странностей, но все они как-то шли к нему, и он был самый беспечный, милый человек, какого я знал». Рассказывает Лорер еще такой случай. Однажды заехал к нему Левушка, отправлявшийся в экспедицию. Зовет своего камердинера. Вошел человек в бархатном чекмене, обшитом галунами, опоясанный черкесским поясом, с серебряными пуговицами. Пушкин стал распоряжаться:

— Здесь поставь мне железную кровать, вынь батистовое белье и шелковое одеяло, да подай мне красную шкатулку.

Оказалось, что в Ставрополь приехал дальний родственник Пушкина, богач и флигель-адъютант. Его отправили курьером в Тифлис, он оставил своего человека и вещи на сохранение Пушкину, а Пушкину самому пришлось отправиться в экспедицию. Вот он для сохранности и взял все с собою.

— Помилуй, любезный Пушкин, да ведь это все чужое!—возразил Лорер.

— А что ж за беда! — ответил Пушкин смеясь.

В 1842 г. Пушкин вышел в отставку, жил некоторое время в деревне у отца, чуть было не женился на М. И. Осиповой, в 1843 г. определился на службу в

Одессу членом портовой таможни, там женился. В 1851 г. заболел водянкою, ездил за границу лечиться, поправился, но, возвратившись, опять стал пить и умер летом 1852 года в Одессе.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА ПАВЛИЩЕВА (1797—1868).

Рожденная Пушкина, родная сестра поэта. В 1825 г. Пушкин писал Дельвигу: «Ты знаешь, что я имел несчастие потерять бабушку Чичерину и дядю Петра Львовича, — получив эти известия без приготовления и нахожусь в ужасном положении, — утешь меня, это священный долг дружбы (сего священного чувства)». В издевательских, шутливо-банальных строках этих отображается общее отношение Пушкина к родственному чувству — оно для него тоже было «сим священным чувством». Ему совсем не пришлось изведать хороших родственных связей, дружественно-близких отношений с близкими по крови и по совместной жизни людьми. Отношения эти насквозь были проедены фальшью и глубоким равнодушием, прикрытым показною родственностью. Отец, мать, дядья, тетки, — все были такие, о всех них Пушкин не говорит иначе, как с пренебрежением и насмешкой. А потребность родственной любви была в нем заложена большая. И с братским, именно родственным, горячим чувством он подходил к подраставшему брату Льву, к сестре Ольге, на них пытался излить переполнявшую его душу родственную нежность. В брате ему очень быстро пришлось

разочароваться и совершенно от него отдалиться. Отдалился он постепенно и от сестры.

В детстве они были близки. Вместе играли, разыгрывали написанные Пушкиным французские комедии. Из лица он в 1814 г. писал ей послание «К сестре»:

Чем сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жив-лиака ли читаешь?
Живилс ли пред тобой?...
Иль моську престарелу,
В подушках поделу,
Окутав в длинну шаль
И с нежностью лелея,
Ты к ней зовешь Морфея?
Иль смотришь в темну даль
Задумчивой Светланой
Над шумною Невой?
Иль звучным фортепяно
Под беглою рукой
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь
Пуччини и Рамо!

После выпуска из лицея Пушкин жил в квартире родителей на Фонтанке вместе с сестрою. Из южной ссылки в письмах к брату он делал ей коротенькие французские приписочки в таком роде: «Любишь ли ты попрежнему свои уединенные прогулки? Какие у тебя любимые собаки? Забыла ли ты трагическую смерть Омфалы и Бизарра (собачки Ольги)? Что тебя забавляет? Что ты читаешь? Ездишь ли верхом? Вышла ли замуж? Собираешься ли это сделать? Сомневаешься ли в моей дружбе? Прощай, мой добрый друг!» Когда в 1824 г. Пушкин приехал в качестве ссыльного в Михайловское, в его столкновениях с родителями Ольга стояла на его стороне, а он писал об ней княгине Вяземской: «Сестра моя —

небесное создание». Когда Пушкин остался в деревне один, он в письмах к брату в Петербург неизменно просит передать сестре поцелуй и уверение в любви. Пушкину, посетившему его в ссылке в начале 1825 г., выражал сожаление, что с ним нет сестры его, но что он ни за что не согласится, чтобы она по привязанности к нему проскучала целую зиму в деревне. Лето 1825 г. Ольга Сергеевна провела с родителями в Ревеле, там с нею очень подружился кн. П. А. Вяземский и написал ей стихи:

Нас случай свел; но не слепцом меня
К тебе он влек непобедимой силой,
Поэта друг, сестра и гений малой,
По сердцу ты и мне давно родня!
Ты в памяти сердечной без заката
Мечта о нем горит теперь живой:
Я полюбил в тебе сначала брата,
Брат по сестре еще мне стал милей!

Между братом и сестрою была — да! — несомненно нежная родственная любовь. Но странное дело! Брату пятнадцатилетнему еще мальчику, Пушкин пишет из Кишинева длинные письма, делится с ним мыслями своими, настроениями; а к двадцатитрехлетней сестре — коротенькие приписочки с вопросами о любимых собачках. До нас дошло, всего одно только коротенькое, чисто деловое письмо Пушкина к сестре, да еще две-три приписочки к ней в письмах к брату. Ее Пушкин не приобщает ни к умственной своей жизни, ни к душевным переживаниям, — любить любит, но переписываться решительно не о чем: для подобной переписки были впоследствии выдуманы «секретки», — такого устройства письмо, что

много в нём никак невозможно написать — и рад бы, да места больше нет.

Длинную девическую жизнь Ольга Сергеевна провела в родительской семье. Ей уже перевалило за тридцать. Жизнь была, очень невеселая. Деспотическая мать держала ее в ежовых рукавицах и обращалась, как с девочкой-подростком, скупой отец пилил за каждую разбитую чашку. В начале января 1828 г. посватался за Ольгу Сергеевну Николай Иванович Павлищев — человек, моложе ее на пять лет, бедный, — по отзыву Корфа, «очень мало привлекательный и совершенно прозаический». Родители ответили решительным отказом. Сергей Львович замахал руками, затопал ногами и, — бог весть, почему, — даже расплакался, а Надежда Осиповна распорядилась не пускать Павлищева на порог. Когда, две недели спустя, она увидела Павлищева на бале, то запретила дочери с ним танцевать. Во время одной из фигур копия Павлищев сделал с Ольгой Сергеевной два тура. Надежда Осиповна в это время играла в соседней комнате в карты. Она в негодовании выбежала и, у всех на глазах, толкнула свою тридцатилетнюю дочь. Ольга Сергеевна упала в обморок. На следующий день она написала Павлищеву, что согласна венчаться без позволения родителей. 25 января, в час ночи, она тихонько вышла из дому; у ворот ждал Павлищев; они сели в сани, помчались в церковь св. Троицы Измайловского полка и обвенчались в присутствии четырех свидетелей-офицеров, друзей жениха. После венца Павлищев отвез жену к ее родителям, а сам отправился на свою холостую

квартиру. Рано утром Ольга Сергеевна отправилась в гостиницу Демут, где жил Пушкин, сообщила ему о своей свадьбе и просила переговорить с родителями. Пушкин удивился, немного рассердился, но отправился к родителям исполнить поручение. Сергею Львовичу сделалось дурно. Привезли цирульника пустить кровь. Сергей Львович, в беспамятстве горя, поднял однако спор с цирульником и начал учить его, как пускать кровь. В конце концов родители смилостивились. Пушкин послал за Павлицевым, новобрачные, как водится, упали к ногам родителей и получили прощение.

Семейная жизнь Ольги Сергеевны, повидимому, не была счастлива. У мужа вскоре появились, кажется, связи на стороне. Ольга Сергеевна месяцами и годами жила в Петербурге, тогда как муж ее служил в Варшаве.

Отношения Ольги Сергеевны с братом после замужества год от года становились все холоднее. Нам неясны причины этого. Но уже летом 1831 года, когда Пушкин с молодою женою жил в Царском Селе, а Ольга Сергеевна с родителями по соседству в Павловске, в отношениях Пушкина к сестре замечается небрежность и какое-то раздражение. Письма, которые на его имя посылаются для нее, он затеривает. Ей он однажды, как сообщает Ольга Сергеевна мужу, «написал письмо до того нахальное и глупое, что пусть меня похоронят живою, если оно когда-либо дойдет до потомства, хотя, повидимому, он питал эту надежду, судя по старанию, которое он приложил к тому, чтоб письмо до меня дошло». Больше

писем Пушкина к сестре мы не знаем; если они и были, то, очевидно, не такого рода, чтоб Ольге Сергеевне приятно было довести их до сведения потомства. Из писем Ольги Сергеевны к мужу, с очень редкими и незначительными упоминаниями о брате, также нельзя заключить, чтобы между ними существовали сколько-нибудь близкие отношения. Вскоре начались докучные приставания ее мужа, наседавшего на Пушкина с требованием выплаты приданого Ольги, доли ее в наследстве. Ей приходилось передавать Пушкину письма мужа, поддерживать его домогательства, доводя брата до припадков полного бешенства. Отношения стали совершенно отдаленными. Сестра Ольга вдвинулась в ряды «родни» — той родни, которая составляет для человека неприятную, но неизбежную докучу жизни.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ПАВЛИЩЕВ (1802—1879).

Служил по министерству народного просвещения, работал в архивах, в 1825 г. вышел в отставку, сблизился в Петербурге с кружком Дельвига, участвовал переводами в «Литературной газете». В 1828 г. женился на Ольге Сергеевне Пушкиной, сестре поэта, против воли ее родителей. Хорошо играл на гитаре, увлекался музыкой; в 1829 г. издал вместе с М. И. Глинкой «Лирический альбом на 1829 г.», — сборник романсов Глинки, Виельгорского, Шимановской и др. В 1831 г. поступил на службу в Царство Польское, там и протекала вся его дальнейшая служба. Был

управляющим канцелярией генерал-интенданта, помощником секретаря государственного совета Царства Польского, впоследствии обер-прокурором варшавского отделения сената, основал и редактировал официальную газету «Варшавский дневник» на русском и польском языках. Усердно работал над русификацией края, добился замены в школах польского языка русским; выпустил ряд учебников, между прочим учебник польской истории для школьников-поляков, где доказывалось, что польское государство по непреодолимым внутренним причинам неспособно к самостоятельному политическому существованию и спасение свое может обрести только в тесном слиянии с Россией. Павлищев за эту книгу удостоен был премии, всемиловейше награжден бриллиантовым перстнем и почтен лестным письмом министра Уварова.

В лице Николая Ивановича Павлищева в безалаберное и бездельное родственное окружение Пушкина вошел аккуратный, очень деловой чинуша, прекрасно понимавший свои выгоды и умевший их отстаивать с упорством и систематичностью. И как иначе можно было действовать, имея дело с бестолковыми новыми родственниками, на которых ни в чем нельзя было положиться? Судите сами. Тесть его, Сергей Львович, обещал выдать его жене по четыре тысячи рублей в год. Но денег у Сергея Львовича никогда нет, да по бесхозяйственности его никогда и быть не может. За управление делами принужден был взяться его сын Александр Сергеевич. Павлищев спешит написать ему письмо: «Батюшка

назначил когда-то содержание жене моей по четыре тысячи в год; назначение это было принято с полною благодарностью. Несмотря на то в первые два года дано было только по две тысячи, в последующие два по полторы тысячи, а в остальные еще менее, так что в последние двадцать месяцев пребывания нашего в Варшаве вся выдача ограничилась только тысячью руб. Оставленный таким образом на одном царском жаловании, я не смел никогда роптать, сократил расходы; два раза имел случай получить награду, я отказался от чинов и крестов, а удовольствовался деньгами для расплаты с кредиторами. Но случай не всегда может представиться, и тогда кто заплатит долги мои? Не мне одному грозит нужда: обо мне и речи нет; но жена моя, сестра ваша, имеет, кажется, право на участие родных к ее судьбе. Я порадовался, что наконец вы, вступив в управление именем Сергея Львовича, будете постоянно помогать нам хотя тысячью пятьюстами руб. Но скажите, когда именно начнется первый год? Разрешение этого вопроса, как видите, для меня очень важно». Пушкин ответил шурину: «Покамест не приведу в порядок и в известность сии запутанные дела, ничего не могу обещать Ольге Сергеевне и не обещаю; состояние мое позволяет мне не брать ничего из доходов батюшкина имения, но своих денег я не могу и не в состоянии приплачивать».

С этого времени начинается систематический обстрел Пушкина письмами из Варшавы и не прекращается до самой его смерти. Чиновник цепок, за свое держится крепко и упорно старается достичь

цели не тем, так другим путем. Письма длинные, длинные, скрытно-ядовитые, полные убийственной канцелярской логики. Весною 1835 г. Павлищев пишет Пушкину: «...долгов моих платить вы не обязаны, но... этих «но» я мог бы подобрать много, но ограничусь несколькими главнейшими. Или жена моя дочь Сергея Львовича, и дети ее — внуки его, или нет; последнее невероятно, следовательно, первое остается в своей силе. На этом основании я делаю вопрос: почему не выделить ее, не дать ей того, что раньше или позже ей должно быть отдано? Сыновей холостых, и даже женатых, не все отцы и не всегда при жизни своей выделяют; но замужних дочерей... все и всегда — так водится на святой Руси. По течению дел я вижу, что вы не можете дать и не дадите нам ничего с имения: четырехлетние обещания служат тому доказательством. Итак, отделите нас, сделайте благое дело». И еще, и еще, одно за другим, плывут из Варшавы письма, как дождливые осенние тучки под западным ветром. Жена Павлищева в начале 1836 г. писала ему из Петербурга: «Я очень недовольна, что ты писал Александру. Он кричал до хрилоты, что лучше отдаст все, что у него есть, чем опять иметь дело с Болдиным, с управляющим, с ломбардом и т. д. Он не прочел твоего письма, он возвратил мне его, не бросив на него взгляда. Как тебе угодно, я больше не буду говорить с Александром; если ты будешь писать по его адресу, он будет бросать твои письма в огонь, не распечатывая, поверь мне».

Весною 1836 г. умерла мать Пушкина. Ее имение

Михайловское должно было перейти к наследникам. Дочери Ольге Сергеевне следовало по закону одна четырнадцатая часть, мужу покойной — одна седьмая часть (Сергей Львович от нее отказался в пользу дочери), остальное пополам сыновьям. Павлищев считал нужным выяснить ценность имения и на лето приехал в Михайловское — уже как один из совладельцев. Обследование его вскрыло чудовищные вещи. Немец-управитель со всех доходных статей огромные куши клал себе в карман: на ржи за год украл 820 руб., на сене 2 150 и т. д. Павлищев управителя прогнал. Вскрылся еще один курьез: и сам Пушкин, и отец его считали, что в Михайловском около 700 десятин земли; оказалось — около двух тысяч. В связи с выясненной им фактической доходностью имения Павлищев определил и долю, следующую его жене, а кстати и брату Пушкина Льву. Познакомив Пушкина с результатами своего расследования, он продолжал: «Итак, самая низкая цена Михайловскому 70 тысяч. Я хлопочу о законной, справедливой оценке потому, что действую не за себя, а за Ольгу с сыном и Льва. Чем справедливее оценка, тем законнее будет выделяемая четырнадцатая часть. Если имение купите вы, то я готов спустить еще шесть тысяч и отдать вам его за 64 тысячи, т. е. по 800 руб. душу. Ниже этого нельзя ни под каким видом. Таким образом, вы заплатите Ольге вместо 8500—13 700. — капитал, составляющий все состояние нашего сына, — залог его существования, в случае моей смерти или удаления от службы по каким-нибудь непредвиденным случаям. Разумеется, что и Лев

поблагодарит, получа вместо 15 000—25 000, о чем я уже писал ему». И предлагал Пушкину либо оставить имение за собой, выплатив сонаследникам причитающиеся части, либо продать имение и поделить вырученную сумму. Пушкин любил Михайловское, терять его было для него очень горько, оставить имение в общем владении Павлищев не соглашался, для выкупа же имения у Пушкина не было денег; при том все друзья на произведенную Павлищевым оценку пожимали плечами и находили, что красная цена за душу не 800 рублей, а 500. Пушкин сдержанно ответил Павлищеву: «оценка ваша в 64 тысячи выгодна, но надобно знать, дадут ли столько. Я бы и дал, да денег нехватает, да кабы и были, то я капитал свой мог бы употребить выгоднее». Павлищев, как и на ярмарке, стал спускать цену, предлагал Пушкину оставить за собою имение за 40 тысяч. В то же время решил насесть на старика-тестя и потребовать у него выдела причитающейся его жене части из нижегородского поместья самого Сергея Львовича. «Я давно считаю его для себя посторонним человеком,—писал Павлищев Пушкину,—но для Ольги он покамест отец. Хочу попробовать его отцовскую нежность, которую он так забавно рассыпает в своих идиллических письмах. Потребую ее приданого — четырнадцатую часть, но не доходов с имения, а самого имения. Предвижу ссору; но тут лучше хорошая ссора, чем дурной лад. Старик будет помнить меня». Тригорская соседка Пушкина П. А. Осипова, насмотревшаяся на Павлищева в Михайловском, писала о нем Пушкину: «Павлищев форменный негодяй

и кроме того сумасшедший». Сумасшедший, — конечно, нет; напротив, даже очень сообразительный. Считая дело решенным и согласно Пушкина на 40 ть тысяч несомненным, Павлицев захватил весь урожай Михайловского, признал часть урожая у соседей Осиповой и барона Вревского — все это продал, деньги увез с собою в Варшаву, засчитав их за часть выкупной суммы. И опять из Варшавы поплыли Пушкину длинные, образцово-логические, пропитанные тайным ядом послания. 4 февраля 1837 года, когда гроб с замерзшим телом Пушкина мчался в сопровождении жандармов по псковским равнинам Павлицев, еще не зная о смерти Пушкина, строчил себя в Варшаве: «Странно вы толкуете мои слова. Я никак не мог думать, чтобы вы захотели обсчитывать, и кого? — сестру вашу... Вы не хотите оставить имение за собою, толкуя бог знает какие слова... Я не ожидал вашего отречения — теперь что я отсюда сделаю?» и т. д.

Цена ~~20~~ коп.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ.

В декабре месяце кончается Ваша подписка.
Возобновите подписку на 1934 год немедленно.

Подписка принимается: Москва, 8, Страстной бульвар, 11.
Жургазоб'единение и повсеместно почтой и отделениями
Союзпечати.